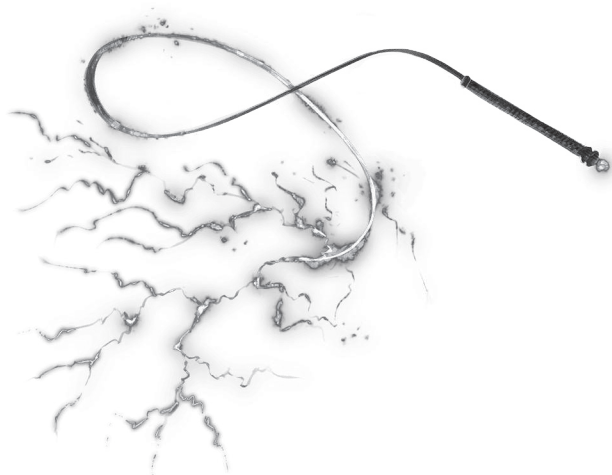

Часть I

Глава 1

Ведьма-охотница

Запах полыни бил в ноздри — стойкий, навязчивый и при этом не ощутимый никем, кроме нее. Настороженная, Морриган сжала в руках плеть-молнию — хлыст, по воле владельца мгновенно превращающийся в сокрушительный искровой разряд.

Как рассветным колдунам удалось не просто подчинить себе стихию, но и заключить ее силу в плеть, одной только Дану известно. Богиня-мать явно не желала, чтобы рассветную стихийную магию использовали в качестве оружия: призванный огонь гас, едва коснувшись человеческой кожи, осколок льда не мог вонзиться в сердце подобно кинжалу. Молнией никто из ныне живущих и вовсе не умел управлять. Кроме таинственных колдунов, создавших главный атрибут охотников и охотниц.

Несмотря на *особые* таланты в своем арсенале, Морриган с хлыстом не расставалась. Ей нравилось, как это выглядит со стороны. Девушка, которая держит в руках прирученную молнию... разве не зрелищно?

Взгляды ранних пташек скользили по плеть-молнии и белой коже ее костюма. Зачарованный, а потому вполне практичный, он эффектно контрастировал с черным цветом глаз и волос. Появление Морриган здесь, в захудалом горо-

дишке на севере Ирландии, означало лишь одно: у кого-то из местных жителей серьезные неприятности.

Забавно, как, едва завидев ее, вздрагивали редкие прохожие. Как торопливо сворачивали в ближайший проулок, на ходу перестраивая привычный маршрут. След из тэны вел не к ним, тогда почему люди спешили скрыться, будто приписывая себе чужие грехи? Даже если за закрытыми дверями они позволяли себе баловаться полуночным колдовством низшего порядка, Морриган явилась не по их душу. А значит, эти забавы слишком невинны, чтобы привести к их порогу Трибунал. Или его охотницу.

Многие наемники (особенно те из них, что отличались силой мускулов, но не ума) отчаянно пытались понять, отчего Трибунал раз за разом предпочитал обращаться именно к ней, девятнадцатилетней охотнице. А ведь одно это словосочетание для большинства ее прожженных, повывавших жизнь собратьев звучало как оскорбление. Обладая узким мышлением, туза в рукаве Морриган они не замечали. Или предпочитали не замечать. Что ж, это исключительно их проблемы. Пока они упражнялись в остроумии, избрав Морриган мишенью, она упорно шла к своей цели — однажды (желательно задолго до того, как ее призовет мир теней) стать лучшей охотницей Ирландии.

Морриган остановилась напротив ряда жмущихся друг к другу невысоких домиков, выкрашенных в белый и серо-зеленый цвет и увенчанных двускатными черепичными крышами. Шумно втянула носом воздух: запах полыни стал сильнее. Чуть запрокинув голову, взглянула на светлеющее небо. Занимался рассвет — время Дану. Морриган мысленно произнесла короткое воззвание к ней и почувствовала приток живительной силы, блаженным теплом пронесшийся по венам.

Совсем некстати в памяти всплыло красивое, вечно молодое лицо матери. Что сказала бы Бадб, узнав, что

с недавних пор ее дочь по утрам исправно взывает к Дану, богине *рассветных* ведьм? Обвинила бы в лицемерии? Или в предательстве? И так ли уж она оказалась бы неправа?

Морриган с досадой поморщилась. Даже в ее мысленном споре Бадб умудрялась одерживать верх.

Напомнив себе, что матери (к счастью) нет рядом, а дело не ждет, она вынула из сумки *осколок истины* — заговоренный кусок разбитого зеркала. Вместилище рассветной силы. Для любого, кроме привязанной к нему ведьмы, он был бесполезен. Если не сказать хуже. Заглянувший в чужой осколок обрекал себя на жестокое проклятие — семь лет напастей, горестей и бед.

Ни Трибунал, ни собратья-наемники (и снова, к счастью) не подозревали, что осколку у Морриган два. Она и сама не знала, зачем по-прежнему хранит полуночный осколок, через который когда-то заглядывала в мир теней. Отныне она выведывала тайны исключительно через мир живых. И все же что-то останавливало Морриган от уничтожения полуночного осколочка, который был важной частью ее прошлого. Она усмехнулась иронии, проскользнувшей в собственных мыслях: темное прошлое — темный осколок.

Разум сделал странный кульбит, и в памяти всплыл их старый дом в Кенгьюбери. Рука невольно потянулась к амулету зова. «Не сейчас», — одернула себя Морриган. Потерять концентрацию для ведьмы — приговор, а такой оплошности она никогда себе не позволяла.

В отражении осколочка на уровне глаз Морриган видела всю ту же стену домов, омытых бледными лучами солнца. Однако магия истины проявила и нечто иное, чужеродное: рассеянную пыльцу темной энергии, складывающейся в нечеткий шлейф. Тэну.

Существовало немало гипотез о том, что вызывало появление тэны — остаточного следа полуночных чар. Одни считали, что тэна — это вытянутая из мира теней мертвая

энергия, которая не приживалась в мире живом, а значит, прямое свидетельство использования полуночных чар. Другие объясняли умение видеть тэну изменением человеческой генетики, хотя до сих пор большинство людей не обладали подобными способностями и «цвета» магии не различали. Существовало и еще более дерзкое объяснение, будто каждого человека при рождении повитухи-целительницы помечали невидимыми метками, чтобы в будущем Трибунал мог отслеживать применение им полуночных чар.

Как бы то ни было, и наемникам, и блюстителям порядка тэна служила серьезным подспорьем в охоте на колдунов-отступников. Однако нужны были годы, чтобы научиться распознавать ее, а с ними — и умение расфокусировать зрение, рассеять и перестроить его. В их лагере были хорошие следопыты, за долгие годы развившие в себе способность идти по следу тэны. Морриган не из их числа. Ведьминская сущность позволяла ей не столько видеть тэну, сколько улавливать ее запах. Горький и тревожный аромат полыни.

И все же перед теми, кому не давалось чтение следов, у нее было очевидное преимущество: осколок, собственно-ручно зачарованный рассветной магией истины. Очередной туз в рукаве. Однако сейчас Морриган чувствовала себя гончей, полагаясь не на видимый шлейф тэны, а на ее запах.

Охота привела ее к дому, на первый взгляд неотличимому от остальных. Но только на первый взгляд. Вместо обычной печати, украшающей двери доброй половины Ирландии, осколок показал ей легкую примесь крови. Полуночная печать.

Кто-то очень хотел оставить свои тайны при себе.

Морриган знала быстрый способ сломать печать, и что-то внутри, всего на мгновение, едва не одержало над ней вверх. С этим соблазном — призвать магию, что была яростнее, разрушительнее... сильнее, в конце концов, — ей приходилось иметь дело каждый день.

«Нет, — сказала она себе, проклятой двери, печати, миру. — Нет».

Она дала слово и не собиралась его нарушать.

На рассветную магию кровавая печать реагировала медленно, неохотно. Не в силах разорвать звенья, Морриган была вынуждена изменять их. Изгоняла кровь колдуна, выжигая ее светом и создавая рисунок, который легко могла взломать слеplенным из энергетического импульса ключом. Не прошло и нескольких минут, как печать была сорвана.

Свет, как всегда, победил.

Усмехнувшись этой мысли — довольно наивной и спорной, надо сказать, — Морриган с ноги открыла дверь. Всегда мечтала это сделать. Обычно мешало то, что колдуны-отступники предпочитали вершить свои темные дела как можно дальше от городских стен и портал-зеркал. Либо содеянное под наплывом эмоций (ярость часто провоцировала всплеск полуночной силы) гнало их прочь из города. Туда, где, по мнению беглецов, Трибунал с его охотниками до них не доберутся.

Стоило ли говорить, как жестоко они ошибались?

Морриган вошла в дом, пахнувший полынью, что для нее было почти равноценно запаху смерти. Колдуна-отступника звали Даррен Келли. Список прегрешений короток и вполне стандартен: призывал магию из мира теней и использовал ее во зло. Дальше, однако, интереснее. В качестве пропуска в царство фоморов и их короля Балора, Даррен, за неимением родовых талантов и способностей к магии, использовал кровь. Вот только в отличие от большинства колдунов не свою.

Кровавых колдунов презирали даже в не самом уважаемом обществе отступников. Все же многие полуночники, обратившиеся к шаманизму, вуду, ноктурнизму или веретничеству, постигали колдовскую науку ценой колоссальных усилий, посвятив ей большую часть жизни. Кровавые колдуны выбирали легкий путь. Они питали своей кровью

темных сущностей мира теней, в обмен получая жалкие крохи их сил. Одурманенные ощущением сопричастности к магии, порой они увлекались настолько, что навсегда уходили в мир теней, перед силой которого так преклонялись. Проще говоря, умирали.

Даррен оказался практичнее большинства кровавых колдунов, а потому сначала таинственным образом исчез его брат, который по слухам, собранным младшими агентами Трибунала, измывался над ним с самого детства. Затем отец, который всегда заступался за старшего сына, при этом вовсе не замечая младшего.

Морриган не сомневалась, что тел в доме Даррена не найдет. Впрочем, заказы, которые Трибунал давал охотникам, не требовали от них доказательств вины колдуна. Расследования — для законников, агентов Департамента, который тоже, кстати, находился под пятой Трибунала. Столь загадочное разделение обязанностей настораживало Морриган, но вопросов она, как и другие охотники, не задавала. Каждый, кого она преследовала по заказу Трибунала, носил клеймо полуночной, смертельно опасной для окружающих, магии. А значит, каждый из них был виновен. Этого ей было достаточно.

Главное, настойчиво гнать от себя мысль, что при ином раскладе охотники Трибунала однажды оказались бы и на ее пороге.

В дом Даррена Морриган ворвалась посреди очередного ритуала. В осколок истины не заглядывала, но прекрасно представляла, что в нем бы увидела. Тэна густилась в воздухе — легкие заполнила полынная горечь. Даррен, находясь в трансе (наверное, получал плату от мира мертвых), стоял на коленях посреди комнаты. Отросшие темно-рыжие волосы падали на щеки, почти скрывая глаза. Он выглядел очень молодо, лишь на пару лет старше. Другого Морриган и не ожидала. В силу молодости многие из кровавых колдунов

порывисты, импульсивны и жадны до магии, которую мир теней мог им дать.

Даррен дернулся, вероятно, наконец получив подсказку от слуг Балора. Морриган дала себе секунду, чтобы насладиться ужасом в расширяющихся глазах. Выхватив плетью молнию, послала разряд. Сотканная из электрических искр нить оплела запястье колдуна. Он зашипел от боли, отшатнулся назад и прокричал заклинание, призывая фоморов из мира мертвых. Видимо, надеялся, что те заступятся за своего кормильца. Может, так бы и случилось, однако теньевые тропы для демонов Балора еще нужно было проложить. А для этого надо быть чуть сильнее.

Не сводя с Даррена глаз, Морриган медленно сокращала расстояние. Поигрывала хлыстом, отчего тот со змеиным шипением соприкасался с полом. Догадываясь, что кровавый колдун сделает в следующее мгновение, она не выпустила расцветного осколка из руки. Даррен не разочаровал. Отчаявшись получить помощь от фоморов, он выкрикнул заклинание, которое Морриган не узнала. Очевидно, его однажды в качестве платы нашептал колдуну мир теней.

Она стремительно выставила вперед осколок, покрытый тонкой сетью отражающих чар. Заклинание сгустком тэны врезалось в него... и обратилось против своего создателя. Глядя в отражение, словно в окно, за которым таился скрытый от человеческих глаз мир тонких материй, Морриган наблюдала, как энергия мира теней — полуночная энергия — наполняет Даррена, просачиваясь сквозь кожу. Он захрипел и вытаращил глаза, от помертвевшего лица отхлынула краска. Какую бы кару ни приготовил кровавый колдун для Морриган, та настигла его самого. В отражении осколка его жизненные нити казались хлипкими, словно вот-вот порвутся... но нет. То ли заклинание получилось слабым (что вполне вероятно), то ли Даррен был на редкость живучим, однако умирать он не собирался.

Морриган не имела ничего против. Она не приветствовала убийства без необходимости. Охота на отступников представлялась ей эдакой игрой в хищника и жертву. Рано или поздно, наигравшись, кошка прихлопнет лапой мышшь, однако в своем собственном сценарии роль карающей длани Морриган отводила Трибуналу.

Прошептав «*Istos arachnis*», она сплела рассветное заклинание. Воздух сгустился и стал липким, словно сладкая вата, пальцы перевила тонкая воздушная нить. Морриган опутала ей руки колдуна и, на всякий случай, залепила рот. Пойманные отступники были весьма изобретательны в оскорблениях и проклятиях.

Благодаря встроенному в портал-зеркала прямому пути в резиденцию Трибунала не прошло и часа, как она сдала закутанного в паутиный кокон Даррена в руки трибунов. Без косых взглядов со стороны околачивающихся неподалеку коллег, конечно же, не обошлось. Узвленное самолюбие оставляло глубокие раны, и для опытных охотников она была хуже занозы под ногтями. Мелкая с виду помеха, но, если не вытащить — загниет. Сложно смириться с тем, что какая-то малолетка, которая так и не научилась обращаться ни с освященным силой Дану мечом, ни с пистолетом, уводила у них из-под носа самые прибыльные заказы.

Морриган всегда интересовало: знают ли они, чья она дочь? Или недоверие ко всем ведьмам без исключения, даже рассветным, у охотников в крови?

Уже уходя, она услышала за спиной «чертова ведьма». Голос принадлежал Карлу, наемнику, с которым у нее имелись давние счеты. Морриган развернулась, сверкая ослепительной и опасной улыбкой.

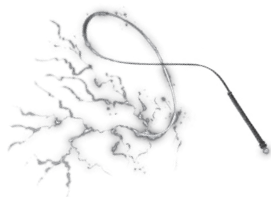
— Ведьма — да. А за чертову можешь и ответить.

Ее внешняя расслабленность была обманчива, однако Карл не дурак начинать драку в резиденции Трибунала.

Верней, дурак, но не настолько. Он пробормотал что-то неразборчивое и отвернулся. Пожав плечами, Морриган ушла.

Дверь захлопнулась, маски спали. Мысль, которая все это время терзала ее, даже задвинутая силой воли в самые дальние уголки сознания, впилась в мозг. Морриган сжала амулет зова. Так сильно, что в какой-то момент заныла рука.

«Клио, прошу, отзовись».

Глава 2

Возвращение

Осенью Кенгьюбери — город, покинутый Морриган Блэр пять лет назад, — был особенно красив. Но сегодня ей не до ностальгии.

Морриган стиснула в ладони амулет зова. Гладкий и прохладный, он, казалось, вот-вот лопнет под ее напором, словно перезревшая вишня. Сестра не откликнулась.

«Клио, это я».

Тишина.

Морриган чертыхнулась. Сколько они не общались? Неделю? Две? Больше.

«Балрог тебя забери».

Она злилась вовсе не на Клио, лишь на саму себя. Сестра знала, что лишний раз беспокоить Морриган не стоит. В момент вызова та могла плести заклинание, скручивать очередного отступника или идти по следу. Отвлекать ее было строго-настрого запрещено. Они давно договорились: Морриган сама вызывает Клио. Конечно, когда вспоминает о необходимости поддерживать связь с младшей сестрой.

Вина — словно яд на кончике иглы, а иглой была тревога. Морриган выдохнула, заставляя себя успокоиться.

Страж междугороднего портал-зеркала сжал ее руку и скользнул пальцами по коже, проводя невидимую черту от запястья до локтя. Под чарами истины проявился

стройный ряд вытатуированных кельтских символов. Страж внимательно проверил личные данные Морриган — имя и присвоенный Трибуналом ранг охотницы.

— А, вольная, — поморщился он.

«Да, и на ваших изнеженных городских ни капли не похожа».

Не нужно быть эмпатом, чтобы понять всю глубину неодобрения стража. Впрочем, далеко не он один горел неистовым желанием поведать Морриган о своем отношении к вольным. Некоторые ограничивались снисходительными взглядами или покачиванием головы, а из других так и выплескивалась желчь.

Самое любопытное, что к опытным охотникам за головами — ярчайшим представителям касты вольных — большинство людей относилось с уважением, практически равняющим их с законниками. А вот молодых вольных, даже охотниц, чаще воспринимали как досадное недоразумение, эдаких неоперившихся птенцов, которые вздумали поиграть в героев и воинов. Наверняка считали, что они путаются под ногами старших и лишь создают тем помехи.

Вот они, двойные стандарты во всей красе.

— Знаю я таких, как ты. Обиженные на судьбу сиротки, одичавшие, озлобившиеся, словно выброшенные на улицу щенки.

Зло сощуриив глаза, Морриган выдернула руку. На этот раз ей попался явно недовольный жизнью экземпляр. То ли жена от него ушла, то ли ужин подгорел, то ли дочь полуночной ведьмой стала. На кончике языка вертелось множество ядовитых реплик разной степени цензурности. Однако в Кенгьюбери ее привело дело. Она не собиралась терять время на препирательства.

«Мне всего девятнадцать, я свободна и вольна делать все, что захочу, и быть там, где захочу. Ты подчиняешься мэру и всем, кто по званию выше тебя, и застрял тут на